

Борис ЧИРКОВ:

«САМОЕ ДОРОГОЕ В ИСКУССТВЕ — ЧЕЛОВЕК»

Борис Петрович Чирков — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий, народный артист СССР. На днях замечательному советскому артисту исполняется 80 лет. Имя его широко известно не только старшему и среднему поколению зрителей театра и кино. Совсем недавно мне пришлось столкнуться с тем, что артиста и его экранного героя хорошо знает и очень молодая аудитория. Значит, жив Максим, прошедший по экранам почти пять десятилетий! С актером, создавшим этот и многие другие образы, мы ведем неторопливую беседу жарким июльским утром. Слышится неповторимая чирковская интонация, мастер говорит об актерском искусстве...

— Это вопрос очень сложный и серьезный. Станиславский всю жизнь посвящал этому, написав несколько книг... Актерское искусство в том заключается, что какой-то вот данный человек может вдруг изменить свой облик, свои повадки, свои привычки, весь свой образ, весь строй мыслей своих и превратиться в совсем другого человека. Вот именно это преобразование одного человека в другого и есть актерское мастерство. Ну а как оно достигается... Конечно же, каким-то предрасположением к этому делу. Но кроме того, что у человека есть к этому способности, есть к этому направленность, еще и обязательен труд, без которого ничего не получится у самого даже одаренного человека. Во всяком случае получится гораздо меньше, чем он мог бы это сделать. В чем же этот труд заключается?

Ну, во-первых, в том, что человек, выбравший себе эту профессию, должен тренировать себя в самых различных областях: пластика, голосовые свои данные, свой психический аппарат. Кроме всего прочего, человек, который изображает кого-то, он изображает всякий раз новое лицо, новый персонаж. Значит, тут же на таком же важном месте стоит умение наблюдать за людьми, да и за самим собой. Сколько нас на Земле существует? Четыре миллиарда? А у каждого своя индивидуальность, своя манера, свой темперамент. Вот именно это-то и надо примечать, надо узнавать. Это должно стать второй натурой человеческой, актерской. Присматриваться к тем людям, с которыми ты живешь, думать о тех людях, которых ты не видел, но читал о них в литературе, наблюдал по живописи... Вот этот беспрестанный тренинг себя на какого-то другого человека, эти беспрестанные поиски нового, это разнообразие чувств и мыслей — в этом заключено актерское умение.

Я вот два года как начал руководить актерской мастерской в Государственном институте кинематографии. Теперь я должен научить свою молодежь умению вести себя правильно на сцене и перед киноаппаратом. Все то, что я вам говорю, — именно этим всем мы зани-

маемся. У нас есть специальные дисциплины: танец, движение, фехтование, пение, чтение и, наконец, занятие самим мастерством. Мы постепенно идем от отрывков к целым пьесам, где все знания, умение, которые мы накапливаем, складываются в одно целое, чтобы исполнялась основная задача: преобразиться в того человека, которого ты изображаешь. И этого еще мало...

Актер по профессии своей ближе всего к учителю, потому что он непосредственно воздействует своим словом, своим видом, своим темпераментом. Поэтому он должен быть по уровню знаний своих, по уровню понимания того, что происходит, на самой первой позиции. В XVIII веке были энциклопедисты во Франции, которые вмещали в своей памяти все достижения человеческого разума и творчества за все время,житое людьми. Вот и актер должен быть таким энциклопедистом. Конечно, в настоящее время почти невозможно знать всего того, что выдумало, открыло, нашло, избрало человечество (потому что сам объем знаний увеличивается с очень большой быстротой), но все равно хотя бы основы всего того, чем живут люди, должны быть знакомы актеру. Он должен быть в какой-то мере психологом. Он должен быть политически подкованным человеком, потому что каждое его выступление — это не просто выступление, это есть политическая акция. Он должен быть и художником. Вот видите, какой объем работы большой.

Каждая наука или каждое познание, оно дается только трудом, и для этого нужно тратить время, силы душевные и физические, поэтому человек, выбирающий себе актерскую профессию, заранее должен обречь себя на монашеское существование. Я должен тренировать себя, голос свой, свой темперамент, свое умение преображаться, свое умение двигаться постоянно. Потому что любое оружие, даже самое острое и самое совершенное, оно все равно от времени тупится, ржавеет, пылится. И уже теряет свою силу. У актера, чем больше он работает, чем дольше он занимается своей профессией, тем больше требований предъявляет к нему зритель, да и он сам.

В молодые годы было просто страшно выходить перед зрителями, потому что я чувствовал себя каким-то одиночкой перед этой громадной массой людей. Но теперь к этому волнению добавляется еще и ответственность за то, что я делаю, потому что я прожил долгий век, потому что многие меня знают, потому что от меня ждут большего, чем от молодого актера. Так что легче жить актеру не становится. У него все время жизнь напряженная, все время жизнь, занятая этим своим делом, своей профессией.

Самое дорогое в искусстве — это человек, его индивидуальность. Если человек ничем не выделяется из ряда других людей, если ему нечего своего сказать, если у него нет своего взгляда на мир, на людей, он не интересен зрителю.

— Борис Петрович, вот вы сейчас много занимаетесь с молодыми артистами. Какие, на ваш взгляд, самые распространенные ошибки встречаются у молодых?

— Ну, во-первых, они еще не актеры — они ученики. И у них еще нет закоренелых ошибок. Но бывает, что даже молодые актеры уже заражены теми устоявшимися театральными штампами, которые бытуют на театральных подмостках. Это есть даже в самостоятельности. А без самостоятельности, я убежден в этом, трудно себе представить театральное искусство.

— Сегодня в театре наблюдается следующее явление. Один актер переходит в другой театр, потом в третий. Один художник может работать сначала в одном театре и тут же оформлять спектакль у другого режиссера. Что это? Не становится ли таким образом актер, режиссер неким «на все руки» мастером?

— У этого вопроса две стороны. Вот вам путь Художественного театра. Собирались единомышленники и в течение многих лет работали вместе. А с другой стороны, театральное искусство не замыкалось только в рамках одного Художественного театра. Множество провинциальных городов обладали театрами. И люди любили эти театры, ходили в них. Антрепренер собирал труппу каждый раз заново. Режиссер не ограничивался

этим составом... Мне кажется, и в этом есть своя правда. Лишь бы была увлеченность, лишь бы была ответственность за свое дело. Тот же Ефремов сегодня. Он же сейчас набрал актеров не только со всей Москвы, но и со всей страны. Он вроде бы пошел против принципов Художественного театра, а на самом деле театр имеет свое лицо, свою позицию.

— Когда и как приходит к вам понимание роли? Когда вы находите ее зерно, то есть, если хотите, когда происходит актерское решение образа?

— Нельзя сказать, что есть один трафарет, по которому работает актер. Для меня один из важнейших периодов работы над ролью — это первое прочтение пьесы, сценария. В этом случае я как бы нахожусь в позиции зрителя, который приходит в театр, как бы ничего не зная. А дальше в течение работы роль углубляется, расширяется. Когда я работаю над ролью в театре, у меня есть достаточно времени, чтобы на репетициях проверить все приемы, что-то изменить,

что-то усовершенствовать. В театре происходит накопление материала.

— Когда начинают сравнивать работу актера в театре и кино, возникает вопрос о вдохновении как важнейшем компоненте создания художественного образа...

— Вы знаете, у меня был знакомый. Мне вообще повезло. Это был Михаил Михайлович Тарханов — величайший актер нашего времени. Так вот, он всегда «заводился», когда ему говорили: «Как вы собираетесь перед ролью?» Он говорил: «Я собираюсь только в баню». Актер должен быть готовым взорваться в любую минуту. Для этого у меня есть техника и ремесло. Где-то я читал рассказ недавно об одном трагике (уж не о Юрьеве ли?). Так вот, он стоял за кулисами и раскачивал тяжелые предметы, чтобы ввести себя в состояние повышенной эмоциональности. А мне думается, дело в том, насколько ясно работает фантазия человека, насколько увлеченно он говорит. Если поджидать, когда придет вдохновение, тогда просто надо переносить спектакль. Вдохновение приходит тогда, когда человек работает. И к актеру оно приходит тогда же.

— Борис Петрович, идет время, годы проходят, но вы, наверное, каждый раз, смотря на своего Максима, смотрите на него какими-то новыми глазами? Как вы воспринимаете эту роль в ретроспективе лет?

— Работа над этой ролью в трилогии заняла шесть лет моей жизни. Он, Максим, вроде бы мне родной и близкий человек. В молодые годы мне казалось, что, сыграв эту роль, я пойду дальше большими шагами. Но... Именно это-то и стало главным делом моей жизни. У ролью в театре, у меня есть, меня есть роли, которые, мне достаточно времени, чтобы на кажется, и сделаны-то интересные. Но именно эта работа осталась в памяти людей.

Сейчас я смотрю на Максима как на историю. Мне уже становится интересным отношение к этой работе зрителей.

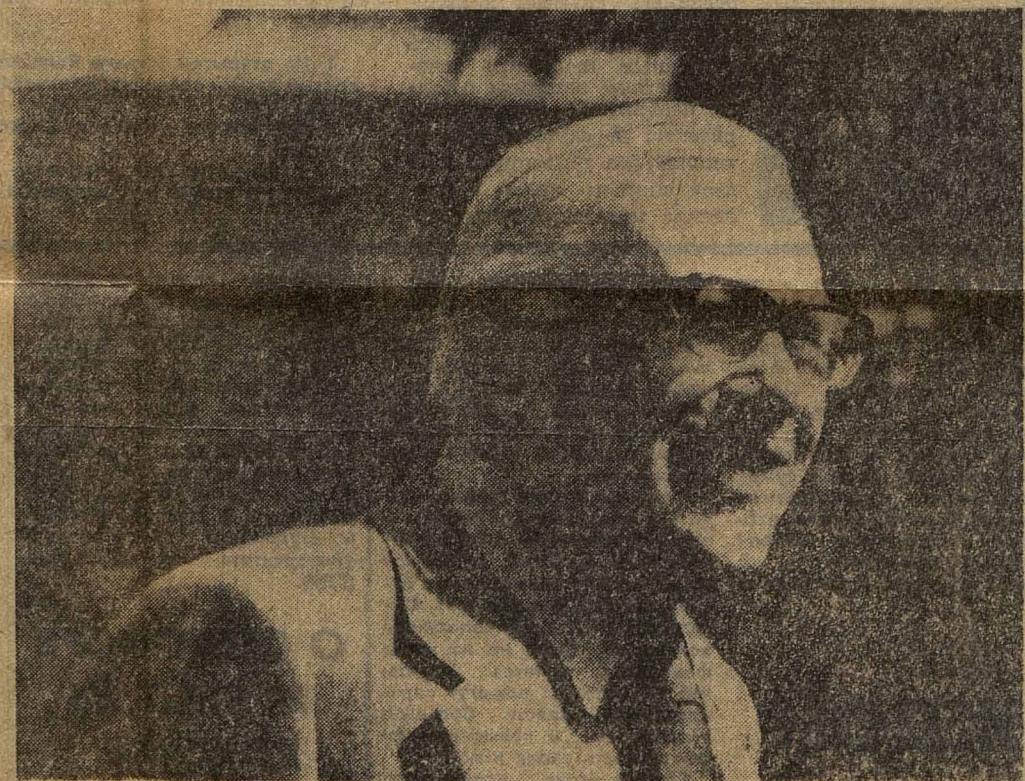
После этой кинойтрилогии я начал числиться в социальных героях, и меня много приглашали сниматься, но предлагали роли именно такого плана. Меня это очень беспокоило. Когда еще перед войной режиссер Луков предложил мне роль Махно в «Пархоменко», то я очень обрадовался, потому что это была совсем другая работа, не похожая на Максима.

— Борис Петрович, вы являетесь членом Государственного комитета по Ленинским и Государственным премиям. Что определяет ваши творческие симпатии в нынешнем театре и кинематографе?

— Когда есть индивидуальность художника, когда есть мысль у этого художника, когда есть взволнованность рассказа, тогда меня это трогает и волнует. Я до сих пор не могу забыть такие великолепные работы, как Закариадзе в «Отце солдата» или Тихонова в «Дождем до понедельника». Когда есть проникновенность, когда мне есть о чем подумать, по поводу чего мне взволноваться, тогда мне хочется сидеть в этом театре или кинозале.

Мне кажется, мы недооцениваем значение областных театров. Там можно встретить очень интересные коллективы. Радостного много, и оно появляется снова и снова. Я радуюсь удачам моих старых знакомых и появлению новых талантов. Жизнь идет. И невозможно, чтобы все было на одном уровне. Нет, будут и спады, и взлеты. Но живое и нужное у нас есть. Об этом говорит и неутраченный интерес зрителей к нашему искусству.

С. ЧУЯНОВ,
наш корр.

Б. П. Чирков.

Фото Н. МОШКОВА.